

Н.К. РАДИНА*

**УПРАВЛЕНИЕ МАССМЕДИЙНЫМ ДИСКУРСОМ
КАК ФУНКЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО
КОДА ВЛАСТИ¹**

*Власть имущий даже не нуждается в том,
чтобы отдавать подчиненному приказы,
так как тот будет выполнять его повеления также
и не приказного характера.*

Н. Луман

Аннотация. В статье на примере двух кейсов – «Российской газеты» и «Аргументов и фактов» – анализируется влияние государственной власти на массмедиа в области отражения семейной политики в массмедийном дискурсе. Временной отрезок исследования – 2000–2015 гг. Теоретическая основа – коммуникативная теория Н. Лумана. Сравнивая политику СМИ до «Послания Президента РФ» в 2006 г. и после, автор заключает, что коммуникативные коды российских СМИ являются производными от коммуникативного кода власти.

Ключевые слова: медиатизация политики; семейная политика; массмедиа.

* **Радина Надежда Константиновна**, доктор политических наук, профессор департамента социальных наук Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (Нижний Новгород, Россия), e-mail: rasv@yandex.ru.

Radina Nadezhda, National Research University Higher School of Economics (Nizhny Novgorod, Russia), e-mail: rasv@yandex.ru.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-03-00399 «Семейная политика и особенности конструирования нормативной модели семейных отношений в российских государственных и негосударственных печатных СМИ».

N.K. Radina
Management of massmedia discourse as a function
of the communicative code of power

Abstract. The article influence of state power on the media in the area of family policy has been analyzed by the example of two cases – «Russian newspaper» and «Arguments and Facts». The time length of the study – 2000–2015 years. The theoretical basis – communicative theory of N. Luhmann. Comparing the media policy before the «Message of the President of the Russian Federation» in 2006 and after, the author concludes that the communication codes of the Russian media are derived from the communicative the code of the power.

Keywords: mediatization of policy; family policy; the mass media.

Согласно известному высказыванию Н. Лумана, все, что мы знаем о нашем обществе и даже мире, в котором живем, мы знаем благодаря массмедиа [Луман, 2005, с. 8]. В этом контексте массмедиа вполне оправдывают свое положение «четвертой власти» также на ландшафте социальных представлений общества, поскольку влияют, по Луману, на перераспределение знания и незнания, следовательно, формируют матрицу восприятия и оценки мира, управляют сознанием.

В целом влияние массмедиа на потребителей информационных услуг вполне обоснованно является одной из популярнейших проблем политической коммуникативистики [Брайант, Томпсон, 2004; Матисон, 2013 и др.]. Однако другая сторона проблемы «власть и медиа» – независимость, проблематичность существования независимых СМИ, недоверие граждан ангажированным СМИ – локализована в границах общих публицистических размышлений [Ковалев, 2016; Смирнов, 2016 и др.], где не предлагается предъявления инструментов изучения (не)зависимости или интерпретационных матриц для объяснения и понимания механизмов влияния. Предполагая, что массмедиа обладают властью над населением, исследователи в области прикладной политической коммуникативистики в своих *эмпирических изысканиях* оставляют без должного внимания анализ возможностей власти управлять массмедиа.

«Управляемость» массмедиа очевидна и обосновывается экономически: финансирование того или иного СМИ предполагает возможность влияния со стороны собственника на редакционную

политику [Назаров, 2004]. Но как, опираясь на научные методы и исследовательскую программу, доказать подобное влияние?

О «лингвистическом повороте» в изучении общества

Адекватный ответ на вопрос о возможностях и инструментах изучения влияния власти на коммуникацию и конкретно массмедийную коммуникацию можно дать благодаря так называемому «лингвистическому повороту» в социогуманитаристике первой трети – середине XX в., который поначалу оказался в роли «осажденной крепости», но в начале XXI в. прочно укоренился в академической науке [Потапова, 2015].

Термин «лингвистический поворот» описывает ситуацию перехода от классической философии, рассматривающей сознание в качестве исходного пункта философствования, к неклассической, обращенной к языку как альтернативе картезианского сознания [История философии... 2002]. В самой общей интерпретации лингвистический поворот акцентирует изучение способов общения, поведения, коммуникации – вербальной и невербальной, исследуя сознание и поведение через специфику языка и понимание того, как люди наделяют смыслами свои речь и действия [Романовский, 2010].

Преимущества лингвистического поворота для научных изысканий в разной степени использованы конкретными науками об обществе. Существует точка зрения, согласно которой российские социологи наиболее успешно интегрировали методологию лингвистического поворота в научные программы [Фазылова, 2008], а философы, политологи, историки оказались относительно инертными. Подобное промедление существенно тормозит развитие российской социогуманитаристики, поскольку кроме методологического лингвистического поворота социогуманитаристика начала XXI в. пережила еще и «цифровую революцию», получив в качестве инструментов изучения текстов, представленных в цифровом виде, методы корпусной и компьютерной лингвистики.

В результате современные исследователи обсуждают рожденные цифровым форматом языка новые исследовательские направления, техники, методы, например культуромику – метод исследования культурных и социальных процессов с помощью статистического анализа употребления слов и словосочетаний в

огромных текстовых массивах [Бонч-Осмоловская, 2015]. Благодаря культуромике как форме вычислительной лексикологии на принципиально новом уровне при анализе социальной реальности, явленной в оцифрованных текстах, возможно использовать и другие теоретические подходы, например фрейм-анализ – одну из популярных стратегий изучения сознания, языка и общества.

Фрейм, фрейм-анализ и фреймирование

При описании истории становления фрейм-анализа в качестве родоначальников представляют Г. Бейтсона [Bateson, 1955], Н. Виннера, М. Минского [Минский, 1979]. И в формулировке Г. Бейтсона, работы которого оказали значительное влияние на использование теории фреймов в социальных науках, и в формулировке М. Минского, чьи работы ближе к трактовке фрейма лингвистами, лежит гипотеза о том, что знания о мире состоят из структурных ячеек, т.е. складываются из определенных сценариев с фиксированным набором стереотипных ситуаций – фреймов [Волосухина, 2010].

Состав фрейма включает слоты – характеристики описываемой стереотипной ситуации, а сами фреймы классифицируют как фреймы-структуры, фреймы-операции, фреймы-ситуации, фреймы-сценарии, фреймы-роли [Головчинер, 2011]. Кроме того, фреймы могут быть комплексными и содержать субфреймы. Фрейм-анализ предполагает реконструкцию и детализацию искомым фреймов-структур, фреймов-сценариев, фреймов-ситуаций и т.д. на материале лингвистических и нелингвистических текстов.

Например, фрейм-структура понятия «политик» может включать центральные слоты (род политической деятельности, определенную политическую ориентацию, принадлежность к какому-либо политическому институту, выполнение каких-либо политических функций), а также дополнительные, необязательные в политическом дискурсе (пол, возраст, регион проживания и обладание необходимыми для функционирования в политике качествами – профессионально-деловыми, морально-этическими, психическими) [Шейгал, 2004].

Что же касается процесса фреймирования, применяемого чаще в прикладных политических исследованиях, его представляют

с опорой на метафору «глагола», действия и процессуально ориентированный взгляд [Яноу, ван Хульст, 2011]. Фреймирование предполагает изучение вовлеченности в производство значений, различного рода процессов отбора, категоризации и именованя, импликации через повествование, а также фреймирование механики конструирования смыслов (смыслов проблем, идентичностей и отношений и т.д.). Двора Яноу и Мерлин ван Хульст в качестве материала для фреймирования предлагают анализировать конструкции, возникающие «на выходе» в процессе функционирования общества, а именно: конкретные общественные проблемы; идентичности авторов историй и их отношения, процесс их взаимодействия. Таким образом, фреймирование открывает возможности анализа процедурных и процессуальных явлений, что особенно важно при изучении воздействия.

Власть и массмедиа: Теоретические линзы Н. Лумана

Использование завоеваний «лингвистического поворота», цифровой революции и новых методов исследования текстов в изучении политической реальности не отменяет поиска релевантных теоретических координат для анализа сферы политического. Среди наиболее эвристичных и методологически выверенных социально-конструктивистских теорий – взгляды Никласа Лумана, объединяющие текст, коммуникацию и власть.

Н. Луман рассматривает власть как институционализованную «кодом медийного средства», поддерживаемую в большей степени подчиненными, нежели властителями: «Власть имущий даже не нуждается в том, чтобы отдавать подчиненному приказы, так как тот будет выполнять его повеления также и не приказного характера. Подчиненному может быть передана даже инициатива составления приказа. Вопросы он задает лишь в том случае, когда ему не ясно, какое именно распоряжение может быть отдано властью» [Луман, 2001, с. 59].

Базисная структура власти как коммуникативного средства, по Н. Луману, – инверсионно кондиционализованная комбинация относительно позитивно и относительно негативно оцененных комбинаций альтернатив, проявляется в виде возможности. Власть, по Н. Луману, – это влияние, выраженное в символической

генерализации и в управлении селективностью партнера, а наличие принуждения и насилия характеризует не власть, а безвластие. То есть «власть “есть” управляемая кодом коммуникация» [Луман, 2001, с. 29].

Массмедиа же, согласно Луману, – медиум самоописания общества, а код массмедиа в контексте кодов коммуникации тесно сцеплен с другими кодами и в первую очередь кодом власти. В процессе коммуникации происходит перераспределение знания и незнания [Назарчук, 2012], однако, как подлинный социальный конструктивист, Н. Луман настаивает, что не может идти и речи о том, что массмедиа позволяют «познавать устройство мира» [Луман, 2005, с. 27]. Зато, исследуя массмедийный дискурс, возможно ответить на вопрос, что представляет собой общество, которое именно так описывает себя и свой мир [Луман, 2001, с. 28].

Программа исследования

Гипотезы исследования, посвященного фреймированию процесса становления пронаталистской ориентации¹ СМИ в контексте современной российской семейной политики, локализованы в области возможностей исполнительной власти влиять на редакционную политику СМИ, не применяя каких-либо рычагов, кроме как собственно влияния.

Теоретической базой представляемого исследования является коммуникативная теория власти и массмедиа Н. Лумана. Анализ эмпирики строится на сопоставлении двух кейсов – текстов «Российской газеты» (официальный печатный орган Правительства Российской Федерации) и «Аргументов и фактов» (издательский дом «Аргументы и факты» и сайт aif.ru входят в медиагруппу «Медиа3», управляющую медиаактивами группы «ПромСвязьКапитал») в логике фреймирования становления пронаталистской ориентации СМИ на временном промежутке с 1 января 2000 г. по 31 декабря 2015 г. (объем общей текстовой базы – 23 705 570 знаков с пробелами).

¹ Пронатализм – политика поощрения роста рождаемости в обществе в целях борьбы с депопуляцией.

Дизайн исследования предполагал сравнительный анализ фреймирования структуры российской семьи в текстах «РГ» и «АиФ» на разных этапах российской семейной политики.

Согласно исследованиям, период конца XX – начала XXI в. в российской семейной политике следует охарактеризовать как эклектичный, интегрирующий элементы либеральной модели (например, положение о том, что поддержка предоставляется нуждающимся семьям для того, чтобы помочь им выйти из кризиса, на федеральном уровне семьи имеют минимальные социальные гарантии и льготы) и социально-демократической модели (например, принцип «равноправия между мужчинами и женщинами в достижении более справедливого распределения семейных обязанностей, а также в возможностях самореализации в трудовой сфере и в общественной деятельности (п. 12 Указа Президента РФ «Об основных направлениях государственной семейной политики» от 1996 г.), а также «распространения на отца прав на льготы в связи с воспитанием детей, предоставляемые в настоящее время на производстве женщине-матери» (п. 19 а) [Чернова, 2011]).

Данный период в 2006 г. был сменен пронаталистским периодом. Рубежное событие – Послание Президента Федеральному собранию Российской Федерации 2006 г. [Путин, 2006]. В данном послании демографическая ситуация в стране была маркирована как кризисная, решение проблемы с уровнем рождаемости названо ключевой задачей. Правительством для стимулирования рождаемости были введены экономические меры, связанные с увеличением размера пособий по уходу за ребенком, беременности и родам, а также специальная экономическая мера – «материнский капитал» (единовременная выплата при рождении второго ребенка). Очевидно, что акцент на демографическом вопросе и возведение проблемы рождаемости в ранг «национальных проектов» в Послании Президента могло изменить ориентации правительственных печатных органов в работе с семейной тематикой, однако пронаталистские установки также могли быть проигнорированы или учтены частично негосударственными СМИ.

Пронаталистская ориентация СМИ изучалась путем анализа фреймирования процессов отбора и категоризации материалов / текстов и вовлеченности массмедиа в работу по производству значений на основе двух самостоятельных исследовательских

стратегий – построения фрейм-структуры «семья», содержащейся в текстах СМИ (до 2006 г. и после Послания Президента), и кодирования текстов, посвященных проблемам семьи.

Идеальная фрейм-структура «семья» была сформирована на основе словарных статей, согласно которым семья – это «группа живущих вместе близких родственников» [Ожегов, Шведова, 2006], следовательно, понятие «семья» наиболее наглядно может быть представлено через структуру элементов. Было сформулировано предположение, согласно которому в каждой статье, посвященной семье, концепция «идеальной семьи» реализуется посредством истории с действующими лицами – членами семьи. Структура семьи в каждой истории является конкретизацией общего фрейма, описывающего структуру понятия. Массив историй на основе частотности упоминаний тех или иных структурных единиц («слотов») фрейма покажет, какая концепция семьи доминирует в представленной коллекции текстов. Также было принято решение, согласно которому «центральными слотами» в реконструированных фреймах считались слоты с максимальным весом (частотностью), поскольку именно они представляют доминирующих по значению для журналистов членов семьи (о которых чаще всего говорят в публикациях).

Другим важным допущением при создании исследовательской программы стало представление о социальном знании как подвижной и изменяющейся области, следовательно, с изменением представлений о семье (с изменением понятия «семья») изменяется и фрейм-структура «семья».

Фрейм-структура «семья» для каждого этапа (до 2006 г. и после) обоих СМИ («РГ» и «АиФ») строилась с использованием программного обеспечения AntConc, Content Analyzer на основе следующих ключевых слов: супруги, муж, жена, дети, ребенок, родственники, родители, мать (мама), отец (папа), бабушка, дедушка, семья. Подобный набор элементов структуры семьи отражает историческую динамику взглядов на описание социальной структуры семьи – от традиционной расширенной семьи (включающей несколько поколений) к современной нуклеарной (нуклеарная семья состоит из одного или обоих родителей и детей).

Кроме фрейм-анализа было использовано кодирование отобранных текстов. Для этого был сформирован словарь на основе 50 текстов из всей подборки и произведено кодирование всех статей

на основе сформированного словаря [Страусс, Корбин, 2001]. Всего кодированию было подвергнуто 240 текстов, кодирование производилось с использованием компьютерной программы Atlas.ti. Построение фрейм-структур «семья», таким образом, дополнялось анализом тематик контента изучаемых СМИ в динамике – от эклектичного периода до пронаталистского.

Фреймирование пронаталистской ориентации: «Российская газета»

Для осуществления фреймирования из электронных архивов «Российской газеты» по ключевым словам было извлечено 2619 публикаций объемом в 8 131 695 знаков с пробелами, посвященных проблемам российской семьи, без официальных государственных документов, телепрограммы и юридических рекомендаций, публикующихся в «РГ». Согласно изучаемым периодам (эклектики и пронатализма) тексты распределились следующим образом (см. таблицу 1).

Таблица 1

Объем материалов, посвященных семье, в «РГ» за два периода

Этапы семейной политики	Количество знаков с пробелами	Количество слов
2000–2006. Эклектика	2 777 844	401 830
2007–2015. Пронатализм	5 353 851	695 517

Согласно таблице, объем материалов, посвященных проблеме семьи, на пронаталистском этапе увеличился практически в 2 раза, что поддерживает значимость проблемы семьи и статус «национального проекта» демографической проблемы, непосредственно связанной с воспроизводящей функцией семьи.

Далее для построения фрейм-структур для каждого этапа был использован коэффициент *instances per million words* (ipm) – примеров словоупотребления на миллион слов коллекции текстов. На основе показателей статистики текста фрейм-структура «семья» в «РГ» выглядит следующим образом (см. таблицу 2).

Таблица 2

Фреймирование пронаталистской ориентации в «РГ» (ipm)

Период	Эмпирически ведущие слоты фрейма				
	2000–2006. Эклектика	Дети (2540)	Мать (2420)	Отец (1910)	Ребенок (1430)
2007–2015. Пронатализм	Дети (3280)	Мать (2440)	Ребенок (2320)	Отец (1830)	Родители (1450)

Прежде чем обсуждать содержание изменений фрейм-структуры, необходимо остановиться на вопросе подвижности социального знания. В данном вопросе мы придерживаемся точки зрения, согласно которой в процессе социального познания [Андреева, 2013] фреймы служат своеобразными «когнитивными» рамками для конструирования социальных представлений. Поскольку социальное знание динамично, изменениям подвержены как содержание, так и форма, структуры (фреймы). Например, за понятием «семья» может стоять представление о семье как нуклеарном социальном организме или представление о расширенной семье. На основании данных представлений некоторые члены семьи могут быть включенными, но также и исключенными из состава семьи, т.е. по специфике описания семьи возможно реконструировать концепцию семейных отношений в социальном контексте и исторической динамике.

Соответственно в ролевой структуре семьи в зависимости от принимаемого в обществе гендерного порядка [Российский гендерный порядок... 2007] на лидерство и / или «центральность» могут претендовать разные члены семьи. Следовательно, анализ массива массмедийных текстов позволяет понять, о какой семье чаще пишут в СМИ, кто из членов семьи претендует на доминирование в семье.

Другой важный вопрос, требующий прояснения, это статистические показатели текста, позволяющие понять общую картину использования языка для представления той или иной проблемы. В данном исследовании используется коэффициент *instances per million words (ipm)* – показатель примеров того или иного словоупотребления на миллион слов коллекции текстов, что позволило определить наиболее частотные структурные / ролевые составляющие семьи, описанные в текстах.

На основании частотности словоупотребления слоты практической фрейм-структуры оказались подвижными, создающими

различающиеся иерархии в зависимости от исторического периода в становлении семейной политики, что позволяет определенным образом характеризовать изучаемые исторические периоды на основании иерархий словоупотреблений. Наиболее очевидным маркером пронаталистской ориентации при представлении семейных отношений может быть центрация на детях в структуре семьи. Фрейм-структура «семья» в данном случае оказывается прозрачным и удобным способом наблюдения за спецификой описания семьи в текстах массмедиа и позволяет на основе «движения слотов» определить характер фреймирования представления семейных проблем в текстах СМИ.

Каким же образом изменилась иерархия слотов и, соответственно, концепция в представлении семейных отношений в «Российской газете» за два изученных периода российской семейной политики? На эклектическом этапе, сочетающем признаки как либеральной, так и социал-демократической моделей, иерархия слотов описывает гармоничную структуру нуклеарной семьи. Центральными в иерархии слотов для фрейм-структуры «семья» оказались «Дети» (ipm 2540), «Мать» (ipm 2420) и «Отец» (ipm 1910). Далее следуют «Ребёнок» (ipm 1430) и обобщенная категория «Родители» (ipm 1170). На пронаталистском этапе центральными слотами являются «Дети» (ipm 3280), «Мать» (ipm 2440) и «Ребенок» (ipm 2320), дополнительными «Отец» (ipm 1830) и «Родители» (ipm 1450).

За время экспериментов в семейной политике в правительственной «Российской газете» произошли существенные изменения в представлении проблем российской семьи. Во-первых, более чем на четверть увеличилась частотность обращения к словоформе «Дети», также в полтора раза чаще в текстах СМИ стали употреблять словоформу «Ребенок». В контексте фрейм-структуры семья центрированность на детях оказалась очевидной. Слот «Мать / мама» за эти годы не претерпел существенных количественных изменений, в то же время слот «Отец» снизил количественные показатели и на пронаталистском этапе не вошел в центральную часть фрейм-структуры «Семья».

Необходимо констатировать, что динамика изменения фрейм-структуры «Семья» идеально соотносится с новой российской семейной политикой, центрированной на демографических проблемах и пренебрегающей либеральной ценностью включения отца в число активных участников «воспроизводства человеческо-

го капитала». Фактически можно утверждать, что тексты «РГ» на макроуровне реконструируют дискурс советской семейной политики – этакратической и патримониальной, где в треугольнике «Мать – дети / ребенок – государство» «отцу» не находится места или предназначена второстепенная роль [Российский гендерный порядок... 2007].

Два этапа в содержании текстов СМИ: «Российская газета»

Анализ содержания текстов «РГ» поддерживает результаты, полученные при анализе фреймирования (кодированию были подвергнуты 120 статей за 16 лет) (см. таблицу 3).

Таблица 3

Содержание текстов «РГ», посвященных семье (%)

№	Категории анализа	Этапы	
		2000–2006	2007–2015
1	Избавление от детей (аборты и т.д.)	2,4	4,6*
2	Замещающая семья и т.п.	2,3	1,4*
3	Брак	6,4	2,9**
4	Важность семьи для общества	0,3	1,6**
5	Взаимоотношения и воспитание	13,2	13,8
6	Влияние государства	5,5	10,2**
7	Влияние СМИ, массовой культуры и религии	2,8	3,8
8	Вопросы усыновления	3,3	7,9**
9	Вся биополитика семьи	0,8	2,4**
10	Женщина в семье	7,9	4,0**
11	Жизнь до брака и вне брака	3,3	1,6**
12	Законодательное регулирование семьи	3,3	5,2**
13	Многодетность	2,2	3,6*
14	Мужчина в семье	7,0	6,1
15	Разное	10,1	8,3*
16	Семья в социальном контексте	8,6	4,8**
17	Сложности и события семейной жизни	5,6	4,0*
18	Статистика и демография	2,3	4,5**
19	Супруги в семье	4,2	1,4**
20	Экономические аспекты семейной жизни	6,7	8,3
21	Экспертное мнение	0,7	1,8**

Значимость различий (критерий ϕ – угловое преобразование Фишера):
 *– на уровне $p \leq 0,05$; **– на уровне $p \leq 0,01$.

С точки зрения положения детей в семье статистически значимо увеличилось упоминание тем и проблем, в фокусе внимания которых находились различного рода злодеяния со стороны родителей (п. 1 «Избавление от детей»), вопросы усыновления против других форм замещающей заботы о детях, ситуация многодетности в семье.

С точки зрения положения женщины статистически значимо уменьшилось внимание к положению женщины в семье, зато также на уровне статистической значимости чаще стали обсуждаться вопросы биополитики, связанные с женским телом, например вопросы суррогатного материнства. Внимание к мужчине с точки зрения частотности тем не изменилось за исследуемый период.

Семья в контексте социальных связей (родственники, прародители, религия, различного рода другие социальные акторы) в публикациях журналистов теряет вес. Вопросы отношений и воспитания в семье в изучаемых статьях остались на прежнем уровне, а обсуждение сложностей семейной жизни, жизнь вне брака и даже супружество (вне детской проблематики) статистически значимо реже оказывались в зоне журналистского выбора.

Если рассматривать обсуждение различного рода тем, в которых семья предстает как единый организм, следует отметить увеличение статей, где обсуждается значимость государства и правовых норм в регулировании семьи, важность семьи для общества. На пронаталистском этапе статистически значимо чаще журналисты обращаются к демографическим вопросам и мнению экспертов относительно бытования семьи.

Пронаталистская ориентация в тематизировании, так же как и при фреймировании, очевидна, однако тематизация позволяет также утверждать, что речь идет не просто о становлении пронаталистской ориентации в семейной политике, а фактически о возвращении на уровне массмедийного дискурса этакратической и патримониальной концепции во взаимодействии государства и семьи, характерной для советского периода. В Послании Президента 2006 г. подобная установка отсутствовала, тем не менее характер постановки проблемы и «демографическая проблематика» в журналистских практиках оживили прежние интерпретативные матрицы, что сформировало повестку дня, характерную для семейной политики советских времен.

Фреймирование пронаталистской ориентации: «АиФ»

Если «Российская газета» является правительственным органом и рупором государственной политики, то негосударственные и независимые СМИ, например «Аргументы и факты», свободны излагать то понимание актуальных проблем семейной политики, которое согласуется с общественным мнением, или, скорее, соответствует позиции собственников и редакционной коллегии. Газета сама и привлекает, и формирует читательскую аудиторию, воспринимающую идеологемы, транслируемые редколлекгией и творческим коллективом СМИ.

При анализе особенностей фреймирования позиционирования российской семьи в «АиФ» следует отметить, что в целом объем статей, посвященных семье, даже уменьшился на этапе пронаталистской ориентации (см. таблицу 4).

Таблица 4

Объем материалов, посвященных семье, «АиФ», за два периода

Этапы семейной политики	Количество знаков с пробелами	Количество слов
2000–2006. Эклектика	2 155 399	322 672
2007–2015. Пронатализм	1 929 861	315 095

Построение фрейм-структур «Семья» для двух этапов позволяет понять, как изменилась редакционная политика и способы позиционирования семьи в текстах «АиФ».

В центральную часть фрейма эклектического этапа вошли слоты «Мать» (ipm 3245) и «Дети» (ipm 2994), дополнительными стали слоты «Ребенок» (ipm 2436), «Отец» (ipm 2259) и «Муж» (ipm 2036.). Данное строение фрейм-структуры «Семья» соответствует традиционному патриархальному представлению о семье, где детоцентристские позиции сильны, но позиция «Отца» и «Мужа» («мужчины в доме») вполне конкурируют в борьбе за главенство на гендерном ландшафте семейных отношений (см. таблицу 5).

Таблица 5

Фреймирование пронаталистской ориентации в «АиФ» (ipm)

Период	Эмпирически ведущие слоты фрейма				
	Мать (3245)	Дети (2994)	Ребенок (2436)	Отец (2259)	Муж (2036)
2000–2006. Пронатализм	Дети (3640)	Мать (3028)	Ребенок (2812)	Отец (2145)	Родители (1638)

Что же касается пронаталистского этапа, ситуация становится иной. Центральная часть фрейма пронаталистского периода включает три слота: «Дети» (ipm 3640), «Мать» (ipm 3028) и «Ребенок» (ipm 2812). При этом вес слота «Дети» увеличивается на пятую часть, вес слота «Ребенок» прибавляет около 10%, а вес слота «Мать» уменьшается на десятую часть от показателей предыдущего этапа.

Дополнительная часть фрейма вообще в корне изменяется, исчезает слот «Муж», появляется слот «Родители» (ipm 1638) и остается слот «Отец» (ipm 2145), также потерявший в весе. Рубежный 2006 г. кардинально изменил редакционную политику «АиФ», переориентируя патриархальные / патриархатные установки на пронаталистскую доминанту.

Два этапа в содержании текстов СМИ: «АиФ»

Тематизация ключевых текстов статей, посвященных семейной проблематике, как и в случае с «РГ», в «АиФ» поддерживает тенденции, выявленные при обращении к фреймированию (кодированию были подвергнуты 120 статей за 16 лет) (см. таблицу 6).

Таблица 6

Содержание текстов «АиФ», посвященных семье (%)

№	Категории анализа	Этапы	
		2000–2006	2007–2015
1	Избавление родителей от детей	1,3	1,2
2	Современные тенденции в области семейного устройства	3,3**	6,5**
3	Взаимоотношения родителей и детей	24**	18**
4	Важность семьи для общества	6,1**	11**
5	Женщина в семье	5,3	4,2
6	Жизнь до барака и вне брака	8,5	7,6
7	Мужчина в семье	6,2**	3,1**
8	Разное	3,4	4
9	Семья в социальном контексте	2,2**	6,1**
10	Семья и религия	0,4**	2,2**
11	Сложности в семейной жизни	5,7	5,9
12	Статистика и демография	0,8*	2,4*
13	Супруги в семье	15	15
14	Экономические аспекты семейной жизни	2,7	3,7
15	Экспертное мнение	7,3	8,7

Значимость различий (критерий ϕ – угловое преобразование Фишера):
 * – на уровне $p \leq 0,05$; ** – на уровне $p \leq 0,01$.

Проблемы воспитания, обсуждаемые журналистами на этапе эклектики в становлении российской семейной политики, статистически значимо снижают популярность, зато свой вес увеличивают темы современных тенденций в области семейного устройства, важности семьи для общества. Обсуждения роли отца и мужа как кормильца и главы утрачивают популярность, интерес к положению женщины в семье также снижается. Роль статистики в представлении демографической проблемы в «АиФ» на пронаталистском этапе так же, как и в «РГ», статистически значимо увеличилась. Таким образом, новая «повестка дня» существенно меняет ориентиры в представлении семейной политики в контексте редакционной политики «АиФ», однако этакратическая и патримониальная концепция в данном СМИ представляется пока недостаточно сформированной. Консервативное представление семьи, характерное «АиФ» на этапе эклектики в семейной политике РФ, обуславливает более постепенное и инерционное движение и умеренные трансформации.

Возможности и реальность «четвертой власти» в России

Возможность массмедиа быть реальной «четвертой властью», характер этой власти и ее взаимоотношения на практике с законодательной, исполнительной и судебной властью, возможность влиять на общество и быть транслятором идеологии – важное направление исследований для информационного и постинформационного обществ. Среди теорий, которые помогают связать власть и массмедиа таким образом, чтобы на этой основе было возможно операционализировать проблему, – коммуникативная теория Никласа Лумана, разъясняющая роль коммуникации в сосуществовании власти и массмедиа. Проведенное исследование показывает, что подобная связь – реальность информационного поля.

Поскольку в статье представлены промежуточные итоги научного проекта, посвященного анализу «управляемости СМИ» со стороны власти, широту и характер детерминированности этой связи во всей полноте (например, управляемость массмедиа, считающихся оппозиционными власти) проанализировать пока не

представляется возможным¹, однако первые результаты подтверждают гипотезу, согласно которой коммуникативные коды власти и массмедиа являются сцепленными, связанными, при этом коммуникативный код массмедиа является производным от коммуникативного кода власти.

Первые итоги проекта позволяют предложить для дальнейшей дискуссии в профессиональном сообществе вопросы о роли законодательной и исполнительной власти в оказании влияния на СМИ. Так, в проанализированных кейсах законодательные инициативы российского правительства на этапе эклектики моделей семейной политики отражались в государственных СМИ («РГ»), в то время как негосударственные СМИ («АиФ») имели автономный взгляд на проблемы развития современной семьи. Однако после Послания Президента 2006 г. в обоих случаях СМИ совершили «пронаталистский поворот», принципиально изменив ориентиры редакционной политики в представлении проблем российской семьи. Означает ли это примат исполнительной власти в ситуации воздействия на СМИ по крайней мере в границах российской социокультурной ситуации?

Также открытым остается вопрос, насколько очевидной является связь между коммуникативными кодами власти и медиа в иных политических и социокультурных полях.

В итоге необходимо подчеркнуть, что изучение воздействия на массмедиа со стороны власти оказалось возможным благодаря современным технологиям корпусной лингвистики, позволяющим выявить закономерности оформления массмедийного дискурса в условиях политического воздействия. Таким образом, современная лингвистика на российском политологическом исследовательском поле открывает как новые инструменты, так и новые горизонты познания.

Список литературы

Андреева Г.М. Социальное познание и социальные проблемы // Национальный психологический журнал. – М., 2013. – № 1 (9). – С. 39–49.

¹ Проект РГНФ «Семейная политика и особенности конструирования нормативной модели семейных отношений в российских государственных и негосударственных печатных СМИ» в декабре 2017 г.

- Бонч-Осмоловская А.А.* Культуромика в национальном корпусе русского языка, к постановке задачи: Три века русских дорог // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. – М., 2015. – Т. 4, № 6. – С. 605–641.
- Брайант Дж., Томпсон С.* Основы воздействия СМИ / Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. – 432 с.
- Волосухина Н.В.* К вопросу о трактовке понятий «концепт» и «фрейм» в современной лингвистике // Университетские чтения 2010: Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – Ч. 3. – С. 41–46.
- Головчинер М.Н.* Введение в системы знаний: Курс лекций. – Томск, 2011. – 129 с.
- История философии: Энциклопедия.* – Минск: Интерпрессервис: Книжный Дом, 2002. – 1376 с.
- Ковалев А.* Жизнь после фактов: Как российские государственные СМИ определяют себя через отрицание // Open democracy: Russia and beyond. – 2016. – 10 June. – Режим доступа: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/alexey-kovalov/zhizn-posle-faktov> (Дата посещения: 02.07.2016.)
- Луман Н.* Власть. – М.: Практикс, 2001. – 256 с.
- Луман Н.* Реальность массмедиа. – М.: Практикс, 2005. – 256 с.
- Матисон Д.* Медиадискурс. Анализ медиатекстов / Пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный центр, 2013. – 264 с.
- Минский М.* Фрейм для представления знаний. – М.: Мир, 1979. – 152 с.
- Назаров М.М.* Массовая коммуникация и общество: Введение в теорию и исследование. – М.: Авантиплюс, 2004. – 428 с.
- Назарчук А.В.* Учение Никласа Лумана о коммуникации. – М.: Весь мир, 2012. – 246 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.
- Потапова Н.Д.* Лингвистический поворот в историографии. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 380 с.
- Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации. – 2006 г. – Режим доступа: <http://www.doxa.ru/analit/putin2006root.html> (Дата посещения: 02.07.2016.)
- Романовский Н.В.* О современном этапе развития социологии // Социологические исследования. – М., 2010. – № 4. – С. 13–22.
- Российский гендерный порядок: Социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной.* – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. – 306 с.
- Смирнов М.* Немцы не верят в свободу прессы // Русская Германия. – 2016. – 06 мая. – Режим доступа: http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=18271&Itemid=13 (Дата посещения: 02.07.2016.)
- Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
- Фазылова Е.Р.* Лингвистический поворот и его роль в трансформации европейского самосознания XX века: Автореферат дис. ... канд. филос. наук – Казань, 2008. – 23 с.

- Чернова Ж.В.* Семейная политика в современной России: «Пятый нацпроект» // Человек. Сообщество. Управление. – Краснодар, 2011. – № 2. – С. 100–113.
- Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
- Яноу Д., ван Хульст М.* Фреймы политического: От фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. – М., 2011. – Т. 10, № 1–2. – С. 87–113.
- Bateson G.* A Theory of play and fantasy // Psychiatric research reports. – Washington, D.C.: American psychiatric association, 1955. – N 2. – P. 39–51.
- Fairclough N.* Language and power. – N.Y.: Longman, 1989. – 226 p.